

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 143

Къ № 143

Воскресенье, 4-го июля 1904 года.

Первый сибирскій публицистъ.

Феодор Иванович Соионовъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегии, обвиненный въ соучастіи съ известнымъ кабинетъ-министромъ Волынскимъ, въ 1740 г. подвергся наказанію кнутовищемъ, вырванію ногтей и ссѣлкѣ въ Сибирь, именно въ Хотскій солеваренный заводъ. Императрица Елизавета, возвратила ему шпагу и свободу, но еще 16 лѣтъ послѣ этого Соионовъ прожилъ въ Сибири частнымъ человекомъ, безъ всякаго званія. Мыслящий и литературно образованный по тому времени человекъ, съ которымъ Волынскій обсуждалъ свои проекты широкихъ государственныхъ преобразованій. — Соионовъ не даромъ пробылъ годы своего изгнанія въ Сибири. Въ 1753 г. онъ развѣдывалъ фарватеръ Шилки и изучалъ путь по Амуру, всматривался въ жизнь Сибири того времени, собиралъ материалы. Въ 1757 г. Соионовъ изъ ссыльныхъ дѣлается Сибирскимъ губернаторомъ и остается имъ до 1763 г., когда назначается сенаторомъ. Соионову принадлежитъ инициатива многихъ важныхъ административныхъ мѣръ: уничтоженіе Анадырскаго острога для облегченія коряковъ и камчадаловъ, обязанныхъ привозить туда провiантъ, устройство въ Хотскѣ морской школы, устройство маяковъ и гавани у Лососинскаго монастыря на Байкалѣ, проведеніе Сибирскаго тракта по Баррабѣ, укрѣпленіе въ 1759 году Омской пограничной линіи, послѣ чего князья округа стали безопаснѣе отъ киргизскихъ набѣговъ и получили возможность для безпрепятственнаго мирнаго развитія. Соионовъ принималъ участіе въ журналѣ Миллера «Ежемѣсячная сочиненія». Хорошее знаніе Сибири и полезная мѣрпріятія Соионова отмѣчены призвательной памятью сибиряковъ о немъ. Соионовъ первый въ легкой и живой формѣ указалъ на главную причину, почему въ Россіи такъ старались тогда получить выгодныя мѣста въ Сибири, — и это сочиненіе сохранилось въ единственномъ удѣльшемъ экземплярѣ, большая половина котораго начата на фабричн. въ корректурѣ, а концы остались въ рукописи. Печатаніе, повидимому, было почему то прервано. Здѣсь Соионовъ является публицистомъ въ современномъ значеніи этого слова, съ порицаніемъ относится къ поговѣямъ за мѣстами въ Сибири ради выгоды и попутно приводитъ много свѣдѣній о «сибирскомъ изобиліи» въ половинѣ XVIII в. Оригиналь хранится въ Московскомъ архивѣ М — въ Иностранныхъ Дѣлахъ (портфель Миллера, № 150, XVI. 16) и представляеть 22 страници и 8ъ напечатанныхъ и 3 листа рукописи. Ниже передается содержаніе этой «переліски о сибирскомъ изобиліи и о воеводскихъ и прочихъ управительскихъ доходахъ», этого перваго публицистическаго произведенія, касающагося Сибири.

Очевидно, фивітивный «корреспондентъ» Соионова, оставленный служивый, просить его «о увѣдомленіи, какой случай сибирскимъ воеводѣ бываетъ къ полученію столь великихъ богатствъ, что черезъ 4 или 5 лѣтъ по вѣрскому тысячѣ рублей получаютъ». Далѣе «корреспондентъ» спрашиваетъ, почему и правда ли, что Сибирь — золотое дно, «и въ какой силѣ и мѣрѣ». Соионовъ удовлетворяеть любопытство «корреспондента». Территорія «отъ Верхотурья черезъ Туринскъ, Тюмень, до Тобольска, дистрик-

ты Ялуторовскій, Ишимскій и Тобольскій подгородный домыгъ изобудуютъ звѣринскими промыслами, лосиннымъ, лисьимъ, горностальнымъ». Рыбныя ловли во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ по справедливости можно назвать изобильными». «А хотя и можетъ быть, какъ и здѣшние жители разсуждаютъ, якобы противъ прежнихъ лѣтъ нѣкоторымъ излишествомъ въ цѣнѣ превосходить, однако и нынѣшніа настоящія цѣны за весьма дешево противъ всей Россіи почитаться должны». Далѣе Соионовъ отмѣчаетъ поразительное изобиліе хлѣба и скота въ Сибири и сообщаетъ крайне низкія цѣны на всѣ предметы питанія. Путешественники приблизительно того же времени, какъ Палласъ, Фалькъ, Лепехинъ и др., также удивляются крайней

оленей между такихъ вѣхъ прежде въ широкое мѣсто загонять, тогда оныя побѣгутъ вдоль по тѣмъ поставленнымъ вѣхамъ, а ежели попадутъ къ правой сторонѣ вѣхи, тогда и сложа въ нѣтъ вѣхи (?), поворачиваютъ влево, и увидя въ лѣвой сторонѣ вѣху, потому же поворачиваютъ вправо, и такъ отъ гонящихъ за ними придерживать до узко поставленныхъ вѣхъ. А при тѣхъ узкихъ вѣхахъ уже въ готовности бываетъ по нѣскольکو человекъ съ луками, и въ такомъ къ нимъ приближеніи и множествѣ, удобнѣе пространнаго мѣста не мало застрѣливаютъ». Этого способа охоты за дикими оленями давно уже не практикуется въ Березовскомъ округѣ и до нѣкоторой степени удѣлять лишь на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири, гдѣ еще водятся дикіе олени. Далѣе Соионовъ упоминаетъ и о другомъ нынѣ также практикуемомъ лишь въ самыхъ отдаленныхъ сѣверо-восточныхъ частяхъ Сибири загонѣ дикихъ оленей домашними. Округа Канскій, Нижнеудинскій, Иркутскій, Забайкалье во времена Соионова были очень изобильны лисцами, рысями, дикими козами и изюбями. Въ 1753 г. въ одной деревнѣ (25 в. отъ Нерчинска) 25 человекъ въ одинъ день было убито и изловлено 4027 козъ (!). Хлѣбъ въ этихъ мѣстахъ лишь въ «засушныя» годы доходилъ до 10 к. Около Нерчинска и Кихты за 5 рублевую лошаля брали отъ 10 до 15 копеекъ дабы. На Байкалѣ отъ одной тони добывали до 100 бочекъ омузей, а въ бочкѣ заключалось до 800 омузей. Въ низовьяхъ Шилки и Амура рыба въ такомъ множествѣ шла вверхъ что «перо видно бываетъ; прибрежныя инородцы за 2 или за 3 рубля сороковую бочку наполняютъ рыбой, только соль хозяйская». Въ Ялутинской области въ то время звѣрей было «великое множество». Соболь и бѣлка водились тамъ въ огромномъ количествѣ. Якуты питались скотомъ и лошадыми, «которые великое доволство иждютъ». Какъ извѣстно, давно уже является лишь преданіемъ употребленіе якутами лошадей въ пищу. Бобровые промыслы тогда особенно процѣлывали «въ восточныхъ островахъ» отъ Камчатки. Итѣакъ промыслы бобровъ бывають весьма богатые, какъ то въ 1760 г. случилось что на каждаго работника, или на пай досталось по 100 по 8 бобровъ, а по 50 или 60 — то почти ordinarily». Обычныя цѣны бобра были въ то время 20 руб. «Изъ такихъ промышленныхъ и западноио уверитъ, что въ Якутскѣ пшаль греческаго куца работникъ, и былъ на Камчаткѣ 2 года, возвратился съ половиною на своей пай, съ 54 бобрами, продать въ Иркутскѣ, какъ оныя сказывалъ, дешево между 20—30 р. за одинъ, однако и того получилъ 1350 р.» Отъ такого всеобщаго изобилія жизни воеводы въ Сибири были легка и безопасны: «ведь по изобилію и по доброжелательной здѣшнихъ народовъ склонности, въ первыхъ, пропаніе безъ всякой покупки иждѣ можно, и притомъ безъ великаго грѣха и указамъ противности, по одной ласкѣ, такое удовольствіе всякій воевода получить можетъ, не меньше того дворянина, который съ 500 душъ доходу получаетъ.»

Въ верховьяхъ р. Би.

дешевизнѣ пищевыхъ продукто въ Сибири. Нынешніа цѣны и хааленое «сибирское изобиліе» первыми и въ XIX в., лишь медленно эволюционировавъ по сторону оскуднѣнія и возвышенія. Проведеніе желѣзной дороги явилось той исторической гранью, за которой и цѣны сдѣлали быстрый скачекъ и стали расти не по днямъ, а по часамъ, и «сибирское изобиліе» стало отходить въ область приятныхъ воспоминаній.

Во времена Соионова пудъ рязаной муки стоилъ 4 к., пшеничной 7 к., четверть осы 20 к., бревно 5 к., сажень дровъ 8—12 к. съ доставкой. Около Томска и по Оби были превосходныя рыбныя ловли; также «промыселъ дикихъ козъ и рѣчныхъ бобровъ» (черныхъ, зарихъ и рыжихъ). Уѣзды Березовскій, Сургутскій, Нарымскій и Кетскій были чрезвычайно богаты промысловыми звѣрями. Ловля дикихъ оленей въ Березовскомъ уѣздѣ происходила въ огромныхъ размѣрахъ, «по низкимъ мѣстамъ, гдѣ оленей множество много, ставить на немаломъ пространствѣ вѣхи, на которые навязываютъ изъ холстыны или изъ травы на веревочкахъ пучки, которыя бы вѣтромъ трогало а отъ того начала что дабы, то уже оныя ставятъ, а потомъ и весьма узко сводятъ. А когда

и западноио уверитъ, что въ Якутскѣ пшаль греческаго куца работникъ, и былъ на Камчаткѣ 2 года, возвратился съ половиною на своей пай, съ 54 бобрами, продать въ Иркутскѣ, какъ оныя сказывалъ, дешево между 20—30 р. за одинъ, однако и того получилъ 1350 р.» Отъ такого всеобщаго изобилія жизни воеводы въ Сибири были легка и безопасны: «ведь по изобилію и по доброжелательной здѣшнихъ народовъ склонности, въ первыхъ, пропаніе безъ всякой покупки иждѣ можно, и притомъ безъ великаго грѣха и указамъ противности, по одной ласкѣ, такое удовольствіе всякій воевода получить можетъ, не меньше того дворянина, который съ 500 душъ доходу получаетъ.»

П. Головачевъ.

Какъ мы ходили смотреть Н. И. Наумова.

Это было въ 1884 году въ ноябрѣ или въ декабрѣ Н. И. проѣзжалъ изъ Петербурга въ Маріинскъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто чиновника

по крестьянским дьякам. В Томске он должен был прожить недели 3. Я и мой товарищ К. были в то время гимназистами 7-го класса. Тогда как раз мы читали Наумовские очерки и рассказы из сибирской жизни и находились под обаянием талантливого писателя. Понятие „писатель“ было для нас в нечто недосягаемое, достойное поклонения. Если бы нам представлено было на выбор: сблизиться министром или же писателем, который печатается в толистых журналах, то мы не задумываясь выбрали бы двубельность писателя. То было время, когда мы как-нибудь маленького сотрудника газеты, имевшего возможность видеть свои мысли напечатанными в газете, считали счастьем и почитали пожалуй депутата гильдебюргского рейхстага. Мы полагали, что Наумовъ пошелъ въ чиновники только потому, чтобы наблюдать жизнь, собирать материалы для новых работъ путемъ непосредственного соприкосновения съ описываемой средой. Мы тогда еще не выдали писателей и наша фантазия рисовала подъ этимъ понятиемъ какихъ-то необыкновенныхъ существъ, отличающихся отъ прочихъ смертныхъ.

Когда мы узнали, что Наумовъ, написавшій такіе прелестные рассказы, находится въ Томскѣ, такъ близко отъ насъ, то мы рѣшили непремѣнно сходить къ нему и посмотреть, какіе такіе бываютъ писатели. Товарищъ мой К. кромя того еще хотѣлъ спросить Наумова, дѣйствительно ли герой рассказа „Поскотинскъ“ старикъ, сильный подарилъ автору тавлинку съ такими удивительными художественными узорами, какъ описано въ рассказѣ. К. непремѣнно хотѣлъ взглянуть на эту тавлинку, если она не вымыселъ автора, а дѣйствительность. Конечно, желаніе странное и чисто ребяческое, но мы сами тогда только что еще выходили изъ ребяческаго возраста. К. былъ человекъ увлекающійся и подобная фантазія могла придти ему въ голову и воплотиться. Я, какъ человекъ болѣе положительный, находилъ желаніе К. просто причудой и рѣшилъ идти къ Наумову положительно изъ желанія посмотреть, чѣмъ онъ выдающійся писатель-художникъ отличается отъ обыкновенныхъ людей.

Мы узнали квартиру Наумова и часовъ въ 5 вечера отправились къ нему. Вечеръ былъ очень морозный, идти приходилось съ Юрточной горы на Пески. Чѣмъ ближе мы подходили къ квартирѣ Наумова, тѣмъ болѣе насъ начинало охватывать радужие, не глупо ли и не навязчиво ли съ нашей стороны идти къ такому серьезному и конечно занятому знаменитому человеку для удовлетворенія нашего любопытства. Мы сознавали всю свою ничтожность предъ этой знаменитостью. Уже передъ дверями квартиры Наумова снова мы задумались, звонить ли, или же бѣжать домой. Кто-то изъ насъ, однако уже успѣлъ дернуть звонокъ, и отступленіе было уже невозможно.

Двери открыла намъ горничная и на нашъ вопросъ, дома ли Н. И. Наумовъ отвѣтила утвердительно. Пришло подняться по небольшой лестницѣ, раздѣться въ передней и пройти въ боковую, довольно обширную комнату, гдѣ насъ встрѣтила жена Н. И. Нѣкоторое замѣшательство съ нашей стороны было, кажется, вполне понятно и извинительно. Мы отрекомендовались и на нашъ вопросъ, можно ли видѣть Н. И.,

получили приглашеніе садиться и нѣсколько обождать, т. к. Н. И. еще спитъ послѣ обѣда, но скоро встанетъ и выйдетъ. Мы начали разспрашивать, долго ли Наумовъ пробудетъ въ Томскѣ, но долго ли ѣздить въ Маринскъ и проч.

Минутъ черезъ 10 послѣ нашего прихода дверь въ боковую комнату отворилась и изъ нея показался художавый человекъ съ блондугой кинжолъ бородкой, одѣтый въ сѣрый ватный халатъ. Онъ удивленно смотрѣлъ на насъ, одѣтый въ гимназическіе мундиръ. Полевые На-

востью, или рекомендаціей товарищей и поспорилихъ гимназій лицъ, что и на его произведеніи мы попали случайно и прочтя одно изъ нихъ не могли не познакомиться съ другими. Въ это время мой товарищъ К. предложилъ Н. И. свой вопросъ о тавлинкѣ. Наумовъ улыбнулся и какъ-то загадочно промолвилъ: „это секретъ автора“, вѣроятно подумавъ: „о, юность, это ты“.

Мы тогда поняли, что исторія съ тавлинкой является просто плодомъ фантазіи. Поданъ чай и наша бесѣда продолжалась. Наумовъ болѣе спрашивалъ и самъ говорилъ очень мало. К. все время смотрѣлъ на костлявые пальцы Наумова и потому уже, когда мы вышли, заявилъ мнѣ: „А ты видѣлъ его пальцы. Какъ это такъими костлявыми, некрасивыми пальцами можно писать такіи прелестныя вещи“. На это я отвѣтилъ, кажется, что пальцы тутъ не причемъ, а что Наумовъ умный и наблюдательный человекъ, много видѣвшій и думавшій въ своей жизни—это видно. Наумовъ и его жена отнеслись къ намъ очень радушно и приглашали зайти еще разъ до ихъ отъѣзда изъ Томска.

Помню, возвращаясь съ отъ Наумова радостные и полные тѣмъ, что удостоились не только видѣть знаменитаго писателя, но даже говорить съ нимъ и видѣть пить чай. Мы не расставались въ своемъ вѣзгѣ и условивались о времени вторичнаго его посѣщенія. Вторично однако быть намъ не удалось, такъ какъ Наумовъ вскорѣ же уѣхалъ изъ Томска. Да, мы гимназисты, гордились тогда тѣмъ, что мы видѣли настоящаго знаменитаго писателя-беллетриста и знаемъ теперь, какіе такіе бываютъ писатели. Хотя, съ другой стороны, мы также поняли, что писатель, будучи особенной натурой, тѣмъ не менѣе не лишень и обычныхъ чисто человѣческихъ свойствъ—можетъ вести обычный житейскій разговоръ, пить чай, какъ его пить и простые смертные, и можетъ носить.... халатъ.

Ав. Г.—вѣ.

Кредо.

(Сказка).

Онъ родился, какъ многіе другіе великіе художники, въ темномъ, сыромъ и грязномъ подвалѣ, потому что молодое, зарождающееся вдохновеніе, должно быть, боится свѣта.

Онъ росъ и игралъ съ рахитичными, безобразными дѣтми подвала и никто не могъ бы подумать, что въ этой блондугой головѣ съ выпуклыми шишковатыми лобомъ—живетъ гений.

Сырья сѣсны подвала, зловонныя испаренія заднихъ дворовъ отравляли его тѣло и душу.

Онъ легко могъ бы погибнуть въ безпородной лотерей жизни, гдѣ такъ много пустыхъ билетовъ, а выигрыши оказываются, обыкновенно, пошлыми бездѣлушками. Но въ дѣтствѣ онъ былъ счастливые другихъ и, поэтому не погибъ.

Среди миллионовъ людей жилъ на свѣтѣ одинъ старикъ, которому міръ казался узкою пустыннымъ. Двадцать лѣтъ назадъ это его не особенно тяготило, но, въ концѣ концовъ, онъ старился и почувствовалъ себя въ положеніи гнилого дерева, которое требуетъ подпорки, чтобы не упало. У старика было пусто внутри—такъ-же пусто, какъ въ душной извѣ. Онъ былъ не глупъ и очень хорошо зналъ, что

Порогъ на р. Бѣ.

Бѣ у села Кебезени.

эту пустоту можно только прикрыть, но не заполнить.

Старик был богат, настолько богат, что потерял даже вкус к своему богатству. Но он знал прекрасно, что золотой звон может сделать много, очень много.

Под старость он рвался за سخолную цѣну приобрести себѣ опору,—найти близкаго холоднаго, который сдѣлалъ-бы мѣръ менѣе пустыннымъ.

Женщины—онъ имъ не вѣрилъ. Затратив свои средства на женщину—это значитъ не вернуть даже процентовъ. Старик хотѣлос-бы имѣть подлѣ себя какое нибудь маленькое, скромное, добродушное и жизнерадостное существо, которое не понимало-бы даже, что оно куплено.

Такое существо можно приручить, приласкать. А когда оно поумнѣетъ, старика уже не будетъ на свѣтѣ. Пусть тогда оно, это существо, думаетъ и говоритъ, что хочетъ и распорядится жизнью такъ, какъ ему понравится.

Старикъ не любилъ слишкомъ быстро приходить къ какому-нибудь рѣшенію, но разъ рѣшившись на что-нибудь, онъ сейчасъ же приступалъ къ выполненію задуманнаго.

Онъ поѣхалъ туда, гдѣ люди ютились въ подвалахъ и гдѣ цѣна на нихъ стоила особенно дешево—въ рабочей квартирѣ.

Больные, рахитичные, честошные дѣти... Старикъ глядѣлъ на нихъ съ безразличнымъ отвращеніемъ. Онъ мысленно очищалъ ихъ отъ грязи, одѣвалъ, причесывалъ... Но все таки они оставались больными и безобразными. Онъ хотѣлъ уже вернуться обратно и искать себѣ игрушку гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но случайно взглянулъ его налѣ на маленькаго бѣлагоурого мальчика съ выскученъ абомъ и умными глазами.

Онъ былъ красивѣе другихъ. Онъ былъ здоровъ. Онъ годился.

Нужно было переговорить съ родителями—со старымъ слесаремъ и худощавой, бездѣтной, преждевременно состарившейся женщиной—матерью.

У нихъ было семеро дѣтей и благоразуміе говорило, что сдѣлать избавитъ отъ сѣдлаго, разъ къ этому представляется такой удобный случай. Однако, они были, должно быть, очень глупы. Они сдѣлали не безъ борьбы.

Конечно, этотъ ребенокъ—только лишняя обуза. У стараго господина ему будетъ хорошо и, въ концѣ концовъ, онъ самъ сдѣлается господиномъ. Но тутъ есть одно маленькое обстоятельство, которое служить камнемъ преткновенія.

— Некая, господинъ, продать за деньги человѣческую кровь... свою кровь. Намъ, пожалуй, не такъ уже жалъ мальчика, но эти деньги будутъ деньгами сатаны.

И старый господинъ получилъ мальчика даромъ—если не считать двухъ или трехъ довольно горячихъ рѣчей и коробки конфетъ для шестерыхъ оставшихся.

Мальчика звали—Кредо. Это, пожалуй, не совсемъ христіанское имя, но, вѣдь, не нужно забывать, что и расказывало сказку.

Итакъ, мальчика звали Кредо, а старика—Сеніоръ.

Сеніоръ поселилъ Кредо въ своемъ богатомъ домѣ съ большими, холодными комнатами. Это былъ старый домъ, переходившій отъ предковъ къ потомкамъ, отъ отца къ сыну. Точно сѣрая скала стоялъ онъ на краю города, мрачный, безжизненный и холодный—холодный.

Раньше, въ старое время, онъ держался въ сторонѣ отъ другихъ, обиденныхъ городскими заглавй, одинокой вѣстившей многочисленнымъ работъ. Но онъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, а городъ разрастался и крайнія хижины, самыя грязныя, самыя нищенскія, охватили его тѣс-

нымъ кольцомъ. И домъ опустилъ и Сеніоръ остался послѣднимъ въ родѣ.

Онъ не видѣлъ ряда грязныхъ хижинъ, подступившихъ къ дому, потому-что не хотѣлъ ихъ видѣть. Онъ замкнулся въ своихъ холодныхъ комнатахъ, увѣннанныхъ старыми портретами—жалкими тѣнями давно угасшихъ людей. И, какъ тѣнь, ходилъ онъ среди тѣней, обломкомъ минувшаго вѣка. Портреты провожали его своими застывшими глазами. Смутные шорохи слышались по темнымъ угламъ. Что-то трепетало и жалобно плѣло по временамъ въ этихъ пустыхъ комнатахъ,—какъ будто хотѣли возродиться давно замершіе звуки.

И старикъ ходилъ, ходилъ, ходилъ.

Кромѣ Сеніора, только одинъ предметъ жила еще въ старомъ домѣ, но и у него не было души.

карнизъ и побѣждалъ внизъ по стѣнѣ. Перебралось черезъ золоченую раму, упало на портретъ и лицо портрета—темное, суровое лицо—вспыхнуло. Холодные, злые глаза, глаза прагмда Сеніора глядѣли на Кредо.

И Кредо хотѣлъ убѣжать вонъ изъ этого страшнаго дома, но пятно ушло дальше и лицо умерло.

Уже на полу, у самыхъ ногъ Кредо забѣгали свѣтлыя пятна. Мрачный багровый и горькій пурпуровый, итѣнный розовый и рѣзкій оранжевый—всѣ оттѣнки краснаго цвѣта были здѣсь. Они перемишались и играли, то темнѣя, то загорающъ ярче. Они, какъ будто, вшлывали въ паркетъ, но, перебѣгая, не оставляли на немъ никакихъ слѣдовъ.

Кредо вздрогнулъ и прижалъ руки къ груди, что-бы сердце билось не такъ громко.

Какой-то звукъ, близкій, но неопредѣленный, поразилъ его чуткій слухъ. Здѣсь, совсемъ близко, жалобно зазвучала струна и тревожный стонъ пронесся по старому дому. За этимъ стономъ пришелъ другой и его поддерживалъ тихій аккордъ.

Это была гбсид, старая мелодія пережитаго, безнадежнаго призыва безвозвратно ушедшаго. Звукъ переплетался, какъ красныя пятна, то замирали въ неясной шепотъ, то вспыхивали отчаяннымъ воплемъ.

Кредо стоялъ и слушалъ и звуки, охватывая всю его душу, большую душу въ маленькомъ тѣлѣ.

А свѣтлыя пятна передвигались и обили его всего своимъ потокомъ. Солнце и музыка, свѣтъ и искусство нашли своего избавника.

Мелодія смолкла, свѣтъ погасъ.

Маленькій Кредо очутился отъ своего забытѣи и обернувшись, увидѣлъ Сеніора. Онъ стоялъ въ замѣтной позѣ, прижимаясь къ холодной стѣнѣ—неподвижный, молчаливый, точно портреты его пращавъ.

— Я хочу еще!—сказалъ Кредо.

— Завтра, только завтра!—отвѣтилъ Сеніоръ.—Я не могу для тебя заставить солнце вернуться обратно, мальчикъ.

Да, солнце не вернулось и черныя стѣнки часомъ съ прежней медленностью ползли по циферблату.

Кредо бродилъ по старому дому и старался припомнить первую мелодію, которую онъ услышалъ въ своей жизни. Но созвучія ускользали изъ его памяти и ему сдѣлалось скучно. Ему захотѣлось вернуться обратно на грязныя улицы рабочаго квартала, потому что тамъ же было страшныхъ, оживающихъ портретовъ; тамъ были люди, а здѣсь—только Сеніоръ.

Кредо заплакалъ. Потомъ много разъ въ жизни случалось еще ему плакать, но это, конечно, были самыя горькія слезы. Даже въ душѣ Сеніора шевельнулось жалость. Но онъ сейчасъ же подавилъ ее и подумалъ:

— Ребенокъ привыкнетъ.

Время плѣло и часы не останавливались. И грустную гбню Кредо скоро выучилъ наизусть. Но каждый день онъ слушалъ ее съ прежнимъ восторгомъ, забывая обо всемъ, кромѣ звонящихъ и страдающихъ гармоническихъ звуковъ. Понемногу Кредо привыкъ и къ Сеніору. Въ нихъ обихотъ—въ отживающемъ старикѣ и въ начинающемъ жить ребенкѣ таилась потребность ласки. Цѣлые дни проводили они иногда въ густомъ паркѣ позади стараго дома. Тамъ, подлѣ шестель деревьевъ, Сеніоръ начиналъ мало по малу учить своего воспитанника.

Такъ жилъ Кредо и до того не доходило ни одного отлика вѣгившей жизни, которая кпгнла за высокими стѣнами парка. Онъ пробовалъ иногда смотрѣть въ окно, но сквозь толстыя зе-

Киргизская зимовка.

Киргизская юрта.

Въ залѣ, между двумя, плотно запертыми дверями, стояли громадные, искусно сдѣланные часы. Разъ въ годъ нужно было заводить пружину, чтобы влдохнуть въ нихъ жизнь, а потомъ они сами уже шевелили своими длинными стрѣлками по разрисованному циферблату. И каждый день, когда солнце смотрѣло черезъ круглое окно, прохладное въ потолѣкъ залы, часы играли грустную мелодію—всегда одну и ту-же, изо дня въ день, изъ года въ годъ.

Въ старомъ домѣ появился Кредо. Онъ стоялъ въ залѣ, передъ большими часами, и тревожно озирался по сторонамъ.

Это былъ новый мѣръ, котораго онъ никогда еще не видѣлъ. Странные портреты, чудесныя картины, золотая мебель, разрисованный циферблатъ съ медленно ползущими черными стрѣлками. Кредо стоялъ и боялся шевельнуться.

Первый лучъ солнца прорвался сквозь стѣнную стѣдку круглаго окна. Темно-багровое, точно кровавое пятно скользнуло по пыльному лѣнному

